

DOI: 10.17805/zpu.2017.1.4

Современный российский капитализм: историко-генетический и мирохозяйственный аспекты*

Г. Ю. КАНАРШ

Институт философии Российской академии наук

Статья посвящена феномену современного российского капитализма и продолжает тему, которую автор уже поднимал в журнале «Знание. Понимание. Умение» (2016. №4). В данной статье рассматриваются историко-генетический и мирохозяйственный аспекты современного российского капитализма.

Автор обращается к истокам явления начиная с периода экспериментов с комсомольской экономикой и номенклатурной приватизации конца 1980-х годов. Именно в этот период, как считают ряд исследователей, происходит становление основных крупных состояний современной России. Дальнейшие пути становления капитализма в России включали в себя этапы ваучерной приватизации и залоговых аукционов, в результате которых, без помощи государства, возникли крупнейшие финансово-промышленные группы. Все

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта «Социально-философский анализ современного российского капитализма» (грант № 15-03-00580).

The article has been prepared within the framework of the research project “Capitalism in contemporary Russia: a social and philosophical analysis” supported by the Russian Foundation for Basic Research (Grant No. 15-03-00580).

эти явления (а также сегодняшний этап приватизации крупнейших государственных активов) рассматриваются в статье в контексте единой логики передельного, непроизводительного капитализма, свойственного России в большей мере, чем странам с успешной капиталистической системой (Запад, а сегодня и многие страны Восточной и Юго-Восточной Азии).

Особое внимание автор уделяет соотношению российского капитализма с мировой капиталистической системой. В статье показано, что существенной чертой российского капитализма является его периферийный характер (несамостоятельный, зависимый, эксплуатируемый). Раскрывается основной механизм эксплуатации в рамках периферийного капиталистического центра. Вместе с тем в статье намечаются пути выхода российской экономики из такого зависимого положения, прежде всего через диверсификацию экономики и создание промышленного производства на новой (современной) технологической основе. Отмечается также необходимость модернизации российского общества как важной предпосылки для нормального развития бизнеса.

Ключевые слова: российский общество; капитализм; генезис капитализма; комсомольская экономика; номенклатурная приватизация; залоговые аукционы; периферийный капитализм; новая индустриализация

ВВЕДЕНИЕ

В более ранней работе мы сконцентрировались на трех основных аспектах современного российского капитализма, обозначив их как социологический, политико-экономический и антропологический (Канарш, 2016). Напомним, что с социологической точки зрения российский капитализм представляет собой клановую систему, отношения в которой, в противоположность «нормальному» капитализму, строятся не на основе четких и ясных контрактов, охраняемых государством, а на основе личных, неформальных связей. В свою очередь, причины этого явления лежат глубже, и связаны они с особым устройством российской политико-экономической системы. В этом отношении, как было показано, определяющим для характера российского капитализма является традиционная для России система власти-собственности, сломать которую не получилось и в постсоветский период отечественной истории. Наличие этой системы означает, что собственник, даже сохраняя (формально) свое право на те или иные экономические активы, фактически оказывается не вправе самостоятельно распорядиться ими, а вынужден делать это с постоянной оглядкой на государство. Как пишут многие исследователи, фактически именно государство, несмотря на юридически и конституционно закрепленный институт частной собственности, остается верховным собственником на все более или менее значимые экономические активы. Что это означает, в свою очередь? А то, что крупные собственники, имеющие в России свой бизнес, для того чтобы хоть в какой-то мере гарантировать стабильность своего положения, оказываются вынужденными устанавливать неформальные, клановые отношения с государственными чиновниками, которые являются представителями вездесущего государства. Такая ситуация не является новой для России, скорее она говорит о возвращении в «наезженную колею» российского развития, только на современном этапе российской истории.

Между тем картина современного российского капитализма, описанная выше, была бы неполной без рассмотрения еще двух ключевых аспектов, которые мы обозначаем как *историко-генетический* и *мирохозяйственный*. Первый говорит нам о том, как, какими путями формировалась современная российская социально-экономическая система, условно говоря, дает возможность понять, каковы ее корни. Анализ второго аспекта позволяет глубже раскрыть такую существенную характеристику

русской экономической системы, как ее периферийный характер, лучше понять природу связей, которые существуют между российским капитализмом и мировой капиталистической системой. В свою очередь, понимание природы этих связей и отношений позволяет уяснить многое в характере развития российского капитализма.

«ПЕРЕДЕЛЬНЫЙ» КАПИТАЛИЗМ

Обращаясь к анализу первого из обозначенных аспектов, мы не ставим своей задачей подробный анализ генезиса российского капитализма, однако определенные вехи его становления все же представляется важным отметить. Главное, что следует подчеркнуть, это то, что основой, стержнем нового российского капитализма с самого начала его становления стала приватизация — или, проще говоря, перераспределение основных экономических активов государства в пользу новых частных собственников.

Безусловно, значительное влияние на формирование такого — «передельного» — капитализма оказала идеология. Дело в том, что в полном соответствии с русской традицией (ее можно было бы назвать революционной) после крушения советского строя вместо социализма элитами была взята на вооружение идеология прямо противоположного свойства — неолиберализм. Как известно, в отличие от коммунизма неолиберализм настаивает на максимальной свободе рынка и минимизации функций государства. Немалую роль сыграл и внешнеэкономический фактор: 1980–1990-е годы — время торжества неолиберальной волны на Западе, которая была связана, с одной стороны, с кризисом государства благосостояния, и в целом — кейнсианской политики, а с другой стороны — с нарастанием глобализации. Поэтому в определенном смысле ситуация в России не была уникальной — по неолиберальным рецептам развивались и государства Латинской Америки, неолиберализм сыграл значительную роль в «подрыве» экономик тех же новых индустриальных стран Восточной и Юго-Восточной Азии во второй половине 1990-х годов.

Какие идеи привнес с собой неолиберализм в российскую экономику? Они хорошо известны: это приватизация, либерализация и финансовая стабилизация. Все эти идеи тесно связаны друг с другом: приватизация необходима для того, чтобы создать основу рыночной экономики — частную собственность; либерализация означает прежде всего возможность свободной торговли и свободного перетока капиталов и рабочей силы; финансовая стабилизация нужна для борьбы с инфляцией, рост которой делает экономику непредсказуемой. Данные идеи составили основу неолиберальной идеологии, легшей в основу так называемого *Вашингтонского консенсуса* — совокупности основных принципов, в отношении которых было достигнуто соглашение между администрацией США, руководством МВФ и Всемирного банка, а также ведущих американских аналитических центров (см., напр.: Петров, Ярунин, 2008). Поскольку реформы в России в начале 1990-х годов осуществлялись во многом с привлечением американских советников, то естественно, что политическое руководство новой России ориентировалось именно на неолиберальные идеи Вашингтонского консенсуса. Важнейшим фактором следования именно такой политике было и то, что в начале 1990-х годов страна остро нуждалась в финансовой помощи Запада для восстановления своей экономики, выплаты зарплат и пенсий, — а получение такой помощи предполагало в качестве основного условия воплощение все тех же идей — проведения жесткой финансовой политики при максимальном раскрепощении рынка (см.: Шеннин, 2010).

Итак, влияние внешнеэкономического и внешнеполитического факторов представляется весьма значительным: благодаря им идея приватизации стала одной из доминирующих в идеологическом комплексе российских реформ. В то же время нелиберальный идейно-экономический синтез успешно лег на традиционную российскую почву, с ее вековыми передельными порядками. Дело в том, что зачатки нового российского капитализма начали формироваться уже в недрах советского строя — во второй половине 1980-х годов. Первой ласточкой в этом отношении можно считать *комсомольскую экономику* — практику создания особых Центров научно-технического творчества молодежи (ЦНТТМ), которые, по замыслу тогдашнего руководства СССР, должны были дать возможность самостоятельного хозяйствования творческой молодежи. Однако фактически роль ЦНТТМ свелась к *осуществлению посреднической функции* между предприятиями и трудовыми коллективами, поскольку молодежные центры обладали особой привилегией — возможностью обналичивать средства, находящиеся на счетах предприятий. При этом создававшиеся при предприятиях творческие коллективы, их руководители часто оказывались в достаточно близких (а нередко родственных) отношениях с руководством ЦНТТМ. Так возникали первые сети неформальных рыночных отношений между комсомольскими предпринимателями, их протеже из «творческих коллективов» и руководством предприятий. Важно отметить, что именно на базе комсомольской экономики сформировались многие из ставших впоследствии влиятельными бизнес-групп, например банк «Менатеп» М. Ходорковского (см.: Крыштановская, 2002: 12), ставший затем основой гигантской финансово-экономической империи олигарха.

Второй важный этап становления нового российского капитализма — номенклатурная приватизация рубежа 1980–1990-х годов. Нужно сказать, что этот этап был в значительной мере подготовлен всем ходом горбачевской перестройки начиная с 1986 г. Известно, что главный лозунг перестройки заключался в том, чтобы дать людям возможность «жить как на Западе» (см., напр.: Федотова, 2016: 182–184). Это не новый лозунг, он уже использовался в ходе реформ Н. С. Хрущева, однако во времена нахождения у власти М. С. Горбачева (во многом ориентировавшегося на идеи НЭПа и «оттепели») он приобрел новое звучание. Итак, возможность «жить как на Западе». В начале перестройки этот лозунг Горбачева стал основой общенационального консенсуса и того кредита доверия, которым население наделило Горбачева. Однако весь ход перестройки с ее приоритетом политики (процессов демократизации) по отношению к экономике привел к тому, что уровень жизни населения неуклонно падал на всем протяжении второй половины 1980-х годов, а результатом экономических реформ Горбачева стало падение производства и образование *инфляционного навеса* (который в полной мере проявит себя в период либерализации цен) — скопления на руках у населения огромной денежной массы, которую невозможно было реализовать, поскольку в стране неуклонно рос товарный дефицит. Все это, естественно, привело к потере политическим руководством СССР выделенного ему первоначально кредита доверия, как и к радикализации общественных настроений. В этих условиях лозунг «жить как на Западе», связывавшийся первоначально лишь с реформами внутри самого социалистического строя, приобрел *прямо противоположную направленность* — он стал означать в представлении широких масс людей не очередную модернизацию социалистического общества, но *расставание с социализмом* как с неэффективной и окончательно дискредитировавшей себя системой. «В целом в 1989–1990 гг. на основе весьма разнородных социальных групп сложилось единое широкое проте-

стное движение, отвергавшее идею построения социализма “с человеческим лицом” или какой-либо другой модификации/модернизации советского общества. На первый план в общественном менталитете вышла мечта “жить как на Западе”. Собственно, каково оно, житье на Западе, жители СССР практически не знали, представляя капиталистическое общество в основном по рекламным проспектам и художественным телефильмам, поэтому это было не столько движение за капитализм, сколько “против социализма”» (Мухин : Электронный ресурс). При этом, как отмечает историк М. Ю. Мухин, основу этого движения составили не только слои, которые хотели (и имели возможность) быстро обогатиться за счет бывшей «общенародной» собственности, но и советская интеллигенция, окончательно разочаровавшаяся в идеалах социализма, как и в новом политическом руководстве страны (там же).

Что же произошло в указанный период в плане становления нового российского капитализма? Как показывает социолог О. В. Крыштановская, это был период, который можно обозначить как «приватизация государства государством». Именно в этот период, хотя еще не отмеченный формированием полноценных основ рыночной экономики (включая право частной собственности), произошло становление *основных экономических состояний новой России*, включая образование мощнейших промышленных концернов (например, «Газпрома»), банковских групп, а также фондовых бирж. Интересен вопрос: на каком экономическом фундаменте образовывались все эти состояния? Как считает Крыштановская (и ряд других исследователей), основание это было очень простым — государственная собственность. Так, образование «новых» промышленных групп часто осуществлялось на базе бывших советских министерств (например, образование концерна «Газпром» на базе бывшего Министерства газовой промышленности) или их отдельных управлений, новые советские (российские) банки образовывались на базе советской банковской системы, включавшей в себя Госбанк, а также специализированные банки — Промстройбанк, Жилсоцбанк, Агропромбанк, Сбербанк и Внешэкономбанк, имевшие множество отделений по всей стране (каждое отделение стало отдельным коммерческим банком). На базе советской распределительной системы, включавшей в себя Государственный комитет по материально-техническому снабжению (Госснаб) и Министерство торговли СССР, были созданы торговые дома и фондовые биржи. В этот же период происходит и приватизация целого ряда рентабельных производств, таких как МНТК «Микрохирургия глаза», а также автомобильных заводов ВАЗ и КАМАЗ. При этом, как отмечает Крыштановская, данный этап приватизации (который она называет «латентной» приватизацией) осуществлялся на основе *крайне сомнительной правовой базы* — поскольку законов, регулирующих процесс приватизации, еще не было, а вся указанная деятельность осуществлялась на основе отдельных постановлений Правительства (Крыштановская, 2002: 21). Основным же смыслом данного этапа приватизации был *обмен власти на собственность* партийной и государственной номенклатурой, уже осознавшей всю бесперспективность реформ в рамках социализма. Поэтому совершенно справедлив вывод о том, что «...при оценке итогов приватизации “по Чубайсу” не следует упускать из вида, что все “сливки” советской экономики были “сняты” еще в 1980–1990-х годах» (Мухин : Электронный ресурс). При этом был нанесен *значительный урон экономике страны*, поскольку обвальная приватизация подрывала устоявшиеся хозяйственные связи, фрагментировала сложившуюся экономическую систему. Крыштановская пишет: «При перестройке началась приватизация, которая в первую очередь разрушила оболочечные структуры управления, чему способство-

вал и распад СССР. Произошла автономизация экономики, связи между хозяйствующими субъектами были разрушены» (Крыштановская, 2002: 21).

Следующими важнейшими этапами становления нового российского капитализма стали массовая ваучерная приватизация начала 1990-х годов и залоговые аукционы середины и второй половины 1990-х годов. Основная цель ваучерной приватизации, как известно, состояла в том, чтобы создать «народный капитализм», когда каждый гражданин России, используя свой ваучер, мог бы приобрести определенное количество акций приватизируемого предприятия. Однако в результате большинство предприятий стало собственностью не простых людей, а, по сути, той же партийной и государственной номенклатуры и ее «уполномоченных» — прежде всего в лице банков, которые создали систему мощных *финансово-промышленных групп*, включавших в себя крупнейшие банки, приобретенные ими промышленные предприятия, а также торговые дома, страховые компании, средства массовой информации. То есть фактически этот период стал очередным периодом *обмена власти на собственность*. В этом же ряду стоят и залоговые аукционы, в результате которых крупнейшие российские финансово-промышленные группы получили в свою собственность огромные активы, выступив в качестве кредиторов государства. На деле же залоговые аукционы, как считают большинство исследователей, представляли собой огромную аферу, которую крупнейшие финансово-промышленные группировки осуществили при поддержке и непосредственном участии государства. В этот период складывается российская олигархия, образуется феномен, который получил название «семибанкирщина» — «небольшая группа из самых влиятельных финансистов, ставших благодаря залоговым аукционам еще более могущественными» (там же: 32).

Итак, мы рассмотрели основные этапы *нового русского передела*, легшего в основание современного отечественного капитализма: этап комсомольской экономики, последовавший за ним этап номенклатурной приватизации рубежа 1980–1990-х годов, и наконец, этапы ваучерной приватизации и залоговых аукционов начала и середины 1990-х годов. Отметим, что все эти периоды хорошо укладываются в логику традиционно российского передельного социума и одновременно — в логику функционирования системы «власти-собственности». Различие только в том, что если в советский период отечественная номенклатура стремилась обменять власть на собственность в рамках стремительно рушившегося советского строя, то в 1990-е годы власть активно помогала своим «протезе» — новым российским крупным собственникам («олигархам») овладеть теми «кусками» собственности, которые не были поделены в эпоху «номенклатурной приватизации».

Тем не менее остается вопрос: завершился ли властный передел в России с окончанием периода «олигархического капитализма» и формированием «властной вертикали», характерной для периода нахождения у власти В. В. Путина? Можно ли считать, что «передельный» социум — это характеристика, больше подходящая для конца 1980-х и 1990-х годов? Этот вопрос нуждается в некотором прояснении.

С одной стороны, логика развития общества и власти с начала 2000-х годов как будто способствовала остановке «властного передела» и переводу ситуации в принципиально новое, правовое, русло. Так, провозглашенная В. В. Путиным политика «равноудаления» олигархов означала конец олигархической «вольницы» в России, установление одинаковых для всех правил игры. Одновременно с этим между исполнительной властью и представителями крупнейших финансово-промышленных групп был заключен пакт («пакт 28 июля») — неформальное соглашение о том, что бизнес

отказывается от своих притязаний на власть, а власть в свою очередь признает законными итоги приватизации (Волков, 2010). Однако, как показывает социолог В. В. Волков, особенностью данного пакта, или нового общественного договора, была его крайняя нестабильность, прежде всего негарантированность от нарушений со стороны власти. Поворотным в этом отношении можно считать дело ЮКОСа, когда власть фактически нарушила установившийся хрупкий баланс и начала наступление на неподконтрольный ей бизнес. Результатом этого стало крушение попытки создания в России реального режима правовой законности и начало практики так называемого *избирательного правосудия*, когда власть использует механизмы права и принуждения избирательно, произвольно — лишь в отношении тех субъектов общественной жизни, которые, по ее представлению, являются угрозой для нее (как, например, «империя» М. Ходорковского) (см.: Ахиезер, Клямкин, Яковенко, 2005: 648–679). Естественно, что такая ситуация не могла способствовать успокоению бизнеса и нормализации инвестиционного климата: ее последствиями стало то, что, с одной стороны, произошло еще большее сращение бизнеса со структурами государственной власти (упрочение клановой системы), а с другой — дальнейший отказ бизнеса от реализации долгосрочных инвестиционных стратегий. В сложившейся ситуации единственным выходом для власти, стремившейся осуществлять модернизацию, оставалось создание *государственных корпораций* — или, иными словами, *вертикальная политическая интеграция*, иначе говоря, «выращивание» такого капитализма, который находился бы «под крылом» этой самой власти и непосредственно контролировался бы ее представителями (см.: Волков, 2010). В свою очередь, это означало «собрание» важнейших экономических активов уже во вновь созданных структурах, но контролирующихся уже не представителями бизнеса, а высшими чиновниками — что, по сути, представляет собой новую версию «капитализма для своих». Однако в последние годы «собрание» в руках государства важнейших экономических активов сопровождается противоположным процессом — началом их новой приватизации, что, по мнению ряда экспертов, означает *новый этап передела собственности* — на этот раз в пользу близких к новой власти чиновников и представителей бизнеса. В частности, социологи В. И. Добренчиков и Н. Р. Исправникова полагают: «Уже сегодня ясно, что новая волна приватизации состоится “при любой погоде”: слишком значительные силы в ней заинтересованы. И отличаться от приватизации 1990-х она будет незначительно. Собственность будет легальной, но нелегитимной» (Добренчиков, Исправникова, 2013: 51).

Можно предположить, что осуществившийся было во второй половине 2000-х годов поворот в сторону «нормального» государственного капитализма оказался всего лишь этапом собирания собственности в руках государства — для ее дальнейшего перераспределения в пользу «своих» людей, т. е. близких к нынешней власти чиновников и олигархов¹. Госкорпорации в итоге так и не стали «мотором» развития российского капитализма, а явились лишь средством аккумуляции собственности для ее дальнейшей перепродажи. И в этом отношении нынешний российский капитализм сохраняет все черты *передельного, непроизводительного социума*, которые были присущи ему на протяжении многих столетий и вновь актуализировались в период распада Советского государства, запущенных им общественно-политических процессов. В связи с этим возникает вопрос о дальнейших путях развития российского капитализма, которые могли бы стать одновременно преодолением того тупикового состояния, в котором он оказался спустя 25 лет после начала рыночных реформ.

ПЕРИФЕРИЙНЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Понять особенности современного российского капитализма не представляется возможным вне уяснения того места, которое он занимает в мировой системе разделения труда. В более ранней статье (Канарш, 2016) мы уже говорили о том, что нынешний капитализм в России определяется многими исследователями как *периферийный* — характеристика, которая, по существу, выражает его зависимый, несамостоятельный характер. К этому можно добавить также то, что реализация «советского проекта» на протяжении семидесяти лет отечественной истории была попыткой преодоления периферийности российской экономики и общества — в первую очередь за счет создания мощной современной промышленности и направления основных средств, получаемых государством от развития экономики, на нужды страны (а не на вывоз этих средств за рубеж, что было характерно, в частности, для экономического развития России в дореволюционный период). Возвращение же России на пути капиталистического развития на рубеже 1980–1990-х годов фактически означало и возврат страны на рельсы периферийного развития (см., напр.: Кагарлицкий, 2009).

Однако представляется существенным вопрос: что же такое периферийный капитализм, как мы можем понять эту характеристику? Как показывает, в частности, экономист Р. С. Дзарасов (Дзарасов, 2013abc), динамика капитализма как мирохозяйственной системы уже с XIX столетия характеризовалась тем, что капитализм выстраивался как система отношений между капиталистическим Центром (в качестве такового изначально выступал Запад) и периферией (в качестве которой выступали страны не-Запада). Такое развитие было обусловлено, с одной стороны тем, что Западу, его промышленности были необходимы рынки сбыта произведенной продукции, поскольку собственный рынок сбыта (рынки европейских стран) в конечном счете оказывался мал для ее реализации. С другой стороны, Западу были необходимы сырье для производства промышленной продукции и другие товары (прежде всего сельскохозяйственная продукция), которые Запад в силу бурного развития промышленности уже не производил или производил в меньшем объеме. И здесь важнейшим элементом капиталистической системы становятся страны иного — неевропейского ареала, которые, встраиваясь под влиянием Запада (военно-политическим или экономическим) в существующие производственные цепочки, начинают производить и поставлять на Запад продукцию, выгодную прежде всего странам этого региона. Как показывает Дзарасов, классическим примером такого — периферийного — капитализма являются прежде всего колониальные страны. В числе таких стран — Индия и Египет (бывшие колонии Британской империи), а также многие страны Африки и Латинской Америки (бывшие колонии Испании и Португалии). Но не только. Типично периферийный путь развития был характерен и для ряда стран, вставших на путь догоняющего развития (догоняющей модернизации), к числу которых относилась и Россия. Так, ключевым предметом производства в России на всем протяжении второй половины XIX и начала XX столетия оставалось зерно, которое покупалось государством у производителя (крестьянства) по заниженным ценам и поставлялось на рынки Запада. Вырученные же средства использовались правительством для создания капиталистических производств и необходимой инфраструктуры (сеть железных дорог и др.). Однако такие — центр-периферические — отношения были характерны не только для отдельных регионов и стран, но могли возникать и *внутри отдельно взятой страны*. Например, они были характерны для обмена между промышленно развитым Севером США и отсталым, рабовладельческим Югом. Подобные же отно-

шения существовали между городом и деревней сначала в царской России, а затем и в России советской (например, в период нэпа). Это означало, что Центр (выступавший в лице более развитого региона или отрасли хозяйства) развивался в значительной степени за счет обмена с менее развитым регионом (или другой отраслью хозяйства), накапливая в результате этого обмена необходимые ему ресурсы (капитал).

Таким образом, важнейшей характеристикой отношений Центр — периферия выступает именно *неэквивалентный обмен*, который позволяет одним странам накапливать капитал и успешно развиваться, тогда как другие страны, несмотря на определенные (и иногда довольно значительные) улучшения своего хозяйства, «обречены» на вечное догоняющее развитие. Почему так происходит? Дело в том, что здесь действуют определенные механизмы, которые и создают экономические преимущества для более развитых стран и регионов или отдельных отраслей хозяйства. Прежде всего, это механизм, получивший название «ножницы цен». Суть этого механизма заключается в том, что продукция, производимая страной периферии (прежде всего сырье и сельскохозяйственная продукция), поставляется в страны капиталистического Центра по *заниженным ценам* (что связано в значительной степени с конкуренцией между странами-производителями за доступ к рынкам), тогда как продукция, производимая промышленно развитыми странами или отдельными отраслями, наоборот, реализуется за пределами этих стран и отраслей по *завышенным ценам*. В результате этими более развитыми странами и регионами производится то, что представители марксистской мысли именуют присвоением *значительной доли фонда труда*, иными словами, присвоением значительной доли произведенной стоимости продукции, что позволяет этим странам и регионам накапливать капитал и развиваться еще быстрее, тогда как страны мировой периферии в результате такого неэквивалентного обмена заведомо оказываются в проигрыше. В значительной мере такая ситуация становится возможной и по причине того, что более развитые страны навязывают менее развитым *монокультурный характер производства*, т. е. намеренно разрушают сложившуюся диверсификацию экономики для того, чтобы культивировать какой-либо один тип производства, выгодный именно этим, развитым, странам (то, что раньше называли колониальными товарами). Дзарасов полагает: «...большинство стран Азии, Африки и Латинской Америки к моменту вторжения в их жизнь капитализма были развитыми для своего времени обществами, обладавшими диверсифицированными экономиками и относительной социальной стабильностью. Попав в сферу колониальной эксплуатации, эти общества подверглись глубокой трансформации, которая затронула как их производительные силы, так и общественные отношения» (Дзарасов, 2013а: 55). Речь идет, опять-таки, о насаждении нескольких основных трудозатратных производств вместо широкого спектра производимой продукции, лишении крестьянства доступа к земле ради создания «трудовых армий», и выращивании элитных групп особого типа — таких, которые были бы ориентированы не на нужды национальной экономики, а служили бы посредниками в перераспределении ресурсов между метрополией и колониями в интересах первой.

Немалое значение имело и то обстоятельство, что значительную долю вырученных от продажи колониальных товаров средств буржуазия и правительства этих стран вывозили в более развитые страны. Причин тому было несколько: от более надежной правовой защиты этих средств (что невозможно было обеспечить в условиях колоний и полуколоний) до поддержания стабильно низкого курса национальной валюты, что обычно является выгодным для стран-экспортеров. В любом случае, это означало, что

более развитые страны не только получают свою выгоду за счет более выгодного приобретения колониальных товаров и продажи своих собственных на рынках этих стран, но также и за счет того, что они постоянно *подпитываются притоком капиталов* из этих стран. Получается, что развивающиеся, или зависимые, страны в итоге так и не могут преодолеть свое отставание в результате постоянного вывоза капитала, который начинает «работать» не на нужды страны-производительницы, а на нужды страны-метрополии. Все это вместе создает крайне неблагоприятные условия для стран, вставших на путь периферийного развития.

Казалось бы, описанная ситуация уже далеко в прошлом, поскольку давно разрушена колониальная система, а многие страны пошли по другому — социалистическому — пути; те же, которые пошли по пути капиталистического развития, демонстрируют на протяжении десятков лет значительные и даже феноменальные успехи (например, азиатские «тигры»). С одной стороны, это действительно так. Однако с другой стороны, как показывает тот же Р. С. Дзарасов, есть нечто, что роднит сегодня и азиатские новые индустриальные страны, включая Китай, и современную Россию. Эта черта — *зависимый, периферийный характер* развития экономики этих стран. Мы уже упоминали о модели развития стран Восточной и Юго-Восточной Азии, которая получила название «летающие гуси» (см.: Канарш, 2016: 80). Напомним, что эта стратегия предполагает наличие в регионе одной страны-лидера (такой страной в конфуцианском регионе до сих пор выступает Япония), которая задает вектор развития для всех остальных стран этого региона, выстраивая своеобразную хозяйственную иерархию. Это означает, что Япония производит наиболее сложную, высокотехнологичную продукцию, тогда как некоторые другие страны (например, Южная Корея или Тайвань) производят менее сложные комплектующие изделия; страны, находящиеся в самом низу производственной цепочки (к таковым относится сегодня Китай), производят самую простую продукцию, выступая фактически в роли «сборочного цеха». Соответствующим образом распределяется и прибыль — наибольший доход получают страны, производящие технологии и соответствующую продукцию, наименьшая часть прибыли достается тем, кто осуществляет самое простое, трудозатратное, производство. Именно в этом и проявляется *неэквивалентный, эксплуатирующий характер* такого рода отношений: значительная часть фонда труда тех, кто работает на трудозатратных производствах, фактически присваивается владельцами высоких технологий (ими обычно являются страны Запада и Япония). Если же учесть, что экономика Китая характеризуется постоянным вывозом капитала (который направляется в первую очередь в США), то естественным образом можно прийти к следующему выводу: «...таким образом, *китайская модель, как типичная модель зависимого развития, предполагает двойную эксплуатацию своей рабочей силы и природы*: первый раз на поставке на американский рынок дешевых товаров, а второй — на передаче американскому капиталу сбережений, созданных китайским народом очень дорогой ценой» (Дзарасов, 2013с: 71; курсив источника. — Г. К.).

Можно согласиться почти со всем, что говорит Дзарасов, однако здесь нам представляется необходимым сделать важную оговорку: думается, что для самих стран Восточной и Юго-Восточной Азии их включение в мировые производственные цепочки было *несомненным благом*, хотя и ставило их в положение периферийных или зависимых стран. Анализ, проделанный Дзарасовым, не учитывает того факта, что страны эти начинали с *очень низкого старта*, когда их население постоянно недоедало, нередким был голод, а о промышленном развитии и соответствующих изменениях в соци-

альной сфере можно было даже и не помышлять. Поэтому, как пишет один из исследователей модернизации Восточной Азии, даже если в одной из новых индустриальных стран работать приходилось за две миски риса в день, то все равно работники были чрезвычайно рады этому — поскольку это были две полных, настоящих миски риса, чего они не могли получить у себя в деревне (Ланьков : Электронный ресурс).

И тем не менее основные положения миросистемного анализа представляются чрезвычайно важными для уяснения того места, которое занимает капитализм периферийных стран, включая Россию, по отношению к Центру капиталистического мира. Для России, как и для других стран капиталистической периферии, характерна монокультурность (различие заключается в том, что в регионе Восточной Азии эта монокультурность носит производственный характер, тогда как в России — преимущественно сырьевой), экспортоориентированный характер экономики, а также соответствующие изменения в политике и обществе. Российская буржуазия (особенно буржуазия периода 1990-х годов) — это типично компрадорская буржуазия, озабоченная только задачами собственного обогащения, а российский политический режим, как он сложился в начале 1990-х годов, — это опять-таки типичный авторитарный режим, обслуживающий в первую очередь интересы олигархии. Некоторые довольно значительные изменения произошли в этом плане на протяжении 2000-х годов (создание единых «правил игры» для олигархов, формирование в России «социально-неолиберализма» на фоне усилившегося потока нефтедолларов и др.), однако в целом, в основных своих чертах российский режим продолжает устойчиво воспроизводить основные характеристики именно периферийного типа капитализма (включая продолжающийся отток капиталов за рубеж и чрезвычайно низкие темпы экономического роста). Главное же, что характеризует российский капитализм именно таким образом, — это преимущественно *сырьевой характер экономики* и недоразвитие за счет этого других сфер, прежде всего промышленности, что объясняется очень простым обстоятельством: западные рынки после распада Союза были открыты для российского сырья и энергоресурсов, но не для российской промышленности, что естественным образом привело к *максимальному перетоку ресурсов и капиталовложений именно в эти (сырьевые) отрасли*, гарантируя получение больших и быстрых прибылей. Напротив, те отрасли, для которых не было рынка сбыта (российский внутренний рынок не был способен обеспечить потребление промышленной продукции), оказались в запущенном состоянии и постепенно пришли в упадок. Так сложились глубочайшие диспропорции в системе национального хозяйства, которые соответствующим образом влияют и на *общественные отношения*, культивируя богатство в одних сферах общественной жизни (связанных с сырьевым сектором) и, напротив, консервируя бедность в других (к сырьевому сектору не относящихся). Можно согласиться с неутешительным выводом о том, что *«...в течение последних более двадцати пореформенных лет в России происходил процесс интенсивного насаждения отсталости путем не просто трансформации, а буквально ломки производительных сил и общественных отношений»* (Дзарасов, 2013с: 92; курсив источника. — Г. К.). В результате этих процессов стране, как мы уже сказали, активно навязывалось монокультурное производство (через разрушение промышленности, прежде всего ее основы — машиностроения), формировалась армия дешевого резервного труда (через разрушение науки и образования, депрофессионализацию, сокращение слоя интеллигенции, а также привлечение мигрантов), возвращался национальный слой крупной буржуазии, служивший посредником в эксплуатации природных ресурсов страны.

Возникает вопрос: как возможно преодолеть сложившееся положение? Ответ здесь достаточно очевиден: преодоление периферийности капитализма означает в первую очередь *радикальную смену общественно-экономического курса*, что будет иметь следствием преодоление монокультурного характера производства и диверсификацию экономики. Одновременно такой путь предполагает и значительное развитие науки и технологий, социальной сферы, а также развитие внутреннего рынка. Во всяком случае, именно по такому пути — импортозамещающей индустриализации — пошли еще в 1950–1960-е годы некоторые латиноамериканские страны, в частности Бразилия (см., напр.: Халилюлин, 2015). В то же время путь новой индустриализации предлагается сегодня целым рядом авторитетных отечественных экономистов левого и леволиберального толка. По сути, он означает проведение структурных реформ в экономике под руководством сильного государства, которые будут включать в себя: реализацию кадровой политики (подготовку новых кадров для промышленного развития, включая создание социальной инфраструктуры для воспроизводства кадрового потенциала); определение приоритетов развития (поскольку государство не имеет возможности одновременно проводить реформы во всех направлениях); выстраивание финансовой системы, обеспечивающей промышленную политику; импорт современных технологий, которые позволили бы осуществить индустриализацию на основе новейших достижений в области науки и технологий. Если же попытаться охарактеризовать тот путь развития, который Россия реально может реализовать, то, по мнению одного из авторитетных авторов, «...это будет догоняющий модернизационный путь с элементами прорывных технологий» (Ленчук, 2010: 86). При этом в числе отраслей, в которых Россия может быть мировым лидером, видятся следующие: авиационное строительство, ядерная энергетика, ракетно-космический комплекс, отдельные сегменты рынка нанотехнологий (там же: 85). Одновременно развитие промышленности и совершенствование технологической базы предполагают и модернизацию *топливно-энергетического комплекса*, который в настоящее время также нуждается в значительном обновлении своих производственных мощностей. Таким образом, реализация промышленной политики, по мнению целого ряда авторов, *вовсе не предполагает отказ от добычи нефти и газа*: сырьевой сектор по-прежнему должен оставаться важнейшим источником доходов. Речь в данном случае идет лишь о *диверсификации производства*, когда доходы государства, в том числе получаемые от реализации сырья, будут идти не в резервные фонды, размещаемые в ценных бумагах за рубежом, но станут расходоваться на нужды восстанавливаемой промышленности. Такой путь предполагает и довольно значительные изменения в *финансовой политике* государства: важнейшей задачей здесь, как показывает, в частности, Р. С. Гринберг, становится преодоление стереотипов, в соответствии с которыми роль государства в области финансовой политики — это обуздание инфляции. В этом смысле рост денежной массы в экономике посредством увеличения внутреннего спроса, а также роста государственных инвестиций представляется не злом (как полагают многие экономисты неоллиберального направления), но скорее *положительным явлением*, поскольку способствует развитию промышленного производства (Гринберг, 2015: 174–176).

Важнейший вопрос, возникающий в связи с новой индустриализацией, — это инновационное развитие. Дело в том, что промышленное производство современного типа — это не традиционный индустриализм, но индустриализм новый, основанный на развитии технологий. Это означает, что современное производство должно быть *чувствительным к инновациям*, что предполагает совместную работу государства

и бизнеса в этом направлении. Между тем, как показывают российские авторы, все усилия государства в этом плане (создание специальных фондов развития, а также соответствующей инфраструктуры инноваций) пока не принесли ожидаемого результата. Инновации создаются, однако бизнес не предъявляет необходимого спроса на них. Одна из причин этого — крайне низкий уровень оплаты труда на российских предприятиях, что способствует развитию производства на прежних — экстенсивных (за счет увеличения количества труда работников), а не новых — интенсивных (технологических) основаниях. Но главная причина — это уже рассмотренный нами феномен власти-собственности (Канарш, 2016), предполагающий тесную сращенность бизнеса с государством и одновременно — условность, негарантированность отношений собственности, когда бизнес не может быть уверен в том, что производимое им будет надежно защищено от произвола со стороны чиновников или правоохранительных органов. Поэтому *модернизация в сфере экономики невозможна без модернизации социальных и политических отношений*, которая касается прежде всего установления четких и понятных правил игры, которые не могли бы произвольно нарушаться ни бизнесом, ни государством. Это, в свою очередь, предполагает кардинальное культурное самоизменение общества, а именно — переход от «передельных» порядков к отношениям производства и справедливого обмена, надежно защищаемых государством. «Таким образом, модернизация экономики требует не столько развития конкуренции вообще, сколько создания условий, при которых главным инструментом в конкурентной борьбе российских предпринимателей станет технологическая (в широком смысле) модернизация своего бизнеса. Ликвидация монополизма в целях развития конкуренции необходима, но недостаточна. До тех пор, пока деятельность по перераспределению прав собственности будет гораздо “интереснее”, чем работа по ее развитию, безуспешны и борьба с “рейдерством”, и призывы к “инновационному поведению”. В этих условиях компенсационные меры (кредитно-инвестиционно-налоговые льготы или механизмы государственно-частного софинансирования) не приведут к значимому снижению рисков инновационной деятельности. Более результативны институты, делающие использование неинновационных инструментов конкуренции гораздо более рискованным» (Бодрунов, Гринберг, Сорокин, 2013: 43–44, курсив источника. — Г. К.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, мы вернулись к ранее обсуждаемой нами проблеме создания правовых основ рыночной экономики и правового государства как естественного «продолжения» развития капитализма в сфере политико-экономической. Без кардинальных изменений в этой сфере (а также в сфере культуры) российский капитализм, как представляется, не сможет преодолеть своего кланового характера, и стать «нормальным» капитализмом, в котором главную роль играют не неформальные отношения между бизнесом и чиновником (собственно, образующие феномен клана), но отношения производства и здоровой конкуренции. Не столь важно, на какой политической основе будет выстраиваться обозначенный выше порядок — демократической или авторитарной, гораздо важнее то, чтобы российское общество наконец смогло преодолеть присущую ему «хаотичность» и стать на путь более упорядоченного и сбалансированного развития. И по-прежнему решающая роль в общественных преобразованиях остается за институтом сильного государства, которое пока (в российских условиях) далеко не во всем отвечает своему назначению.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ На первый взгляд этому утверждению противоречат условия продажи государственной корпорации «Роснефть» в 2016 г. двум иностранным компаниям (швейцарской и катарской). Однако, как полагают некоторые эксперты, не исключено, что через определенное время могут вскрыться еще неизвестные обстоятельства этой сделки, свидетельствующие об интересе именно российских олигархических групп (см.: Хитрая приватизация «Роснефти» ... : Электронный ресурс).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ахиезер, А., Клямкин, И., Яковенко, И. (2005) История России: конец или новое начало? М. : Новое издательство. 708 с.

Бодрунов, С. Д., Гринберг, Р. С., Сорокин, Д. Е. (2013) Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. №1 (35). С. 19–49.

Волков, В. В. (2010) Проблема надежных гарантий прав собственности и российский вариант вертикальной политической интеграции // Вопросы экономики. №8. С. 4–27.

Гринберг, Р. С. (2015) Экономика современной России: состояние, проблемы, перспективы. Общие итоги системной трансформации // Век глобализации. №1. С. 166–182.

Дзарасов, Р. С. (2013a) Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. №1. С. 49–60.

Дзарасов, Р. С. (2013b) Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. №2. С. 58–65.

Дзарасов, Р. С. (2013c) Национальный капитализм: развитие или насаждение отсталости? // Альтернативы. №3. С. 62–98.

Добреньков, В. И., Исправникова, Н. Р. (2013) Российская версия «капитализма для своих»: есть ли выход из тупика? // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. №3. С. 26–55.

Канарш, Г. Ю. (2016) Современный российский капитализм: социологический, политико-экономический, антропологический аспекты // Знание. Понимание. Умение. №4. С. 70–85. DOI: 10.17805/zpu.2016.4.5

Кагарлицкий, Б. Ю. (2009) Периферийная империя: циклы русской истории. М. : Алгоритм ; Эксмо. 576 с.

Крыштановская, О. В. (2002) Бизнес-элиты и олигархи: итоги десятилетия // Мир России. №4. С. 3–60.

Ланьков, А. Модернизация в Восточной Азии, 1945–2010 [Электронный ресурс] // Полит.ру. 11 марта. URL: <http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/> (дата обращения: 12.12.2016).

Ленчук, Е. Б. (2010) Как ускорить процесс перевода российской экономики на рельсы инновационного развития // Наука. Инновации. Образование. Вып. 9. С. 82–92.

Мухин, М. Ю. «Почему распался СССР?» — Страна в Цунгванге (Третий этап Перестройки, 1989 г.) [Электронный ресурс] // Актуальная история. URL: <http://actualhistory.ru/ussr-breakup-6> (дата обращения: 12.12.2016).

Петров, А. В., Ярунин, С. В. (2008) Экономическая глобализация и неолиберальная модернизация в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Вып. 4. Сер. 12. Психология, социология, педагогика. С. 539–546.

Федотова, В. Г. (2016) Модернизация и культура. М. : Прогресс-Традиция. 336 с.

Халилюли, И. Н. (2015) Дилемма «центр-периферия» в теориях международного разделения труда // Журнал международных исследований развития. Вып. 2 (5). С. 36–50.

Хитрая приватизация «Роснефти»: что задумал Сечин? (2016) [Электронный ресурс] // Regnum. 8 декабря. URL: <https://regnum.ru/news/economy/2215235.html> (дата обращения: 12.12.2016).

Шенин, С. Ю. (2010) Джеффри Сакс и американская помощь постсоветской России: случай «другой анатомии» // Известия Саратов. ун-та. Т. 10. Сер. История. Международные отношения. Вып. 1. С. 99–107.

Дата поступления: 15.12.2016 г.

CONTEMPORARY RUSSIAN CAPITALISM: HISTORICAL AND GENETIC
AND WORLD-ECONOMIC ASPECTS

G. Y. KANARSH

INSTITUTE OF PHILOSOPHY, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The article dwells upon the phenomenon of contemporary Russian capitalism and continues the theme which the author raised in the journal "Knowledge. Understanding. Skill" (No. 4-2016). This article discusses the historical and genetic as well as world-economic aspects of contemporary Russian capitalism.

The author traces the roots of the phenomenon, starting from the period of the experiments with the Komsomol economy and nomenclature privatization of the late 1980s. In this very period, according to some researchers, the establishment of major large fortunes of contemporary Russia took place. Further ways of capitalism development in Russia included the stages of voucher privatization and mortgage auctions, which, with the help of the state, led to the emergence of the large financial and industrial groups. All these phenomena (as well as the current stage of privatisation of major state assets) are considered in the article in the context of single logic of the redistributive, non-productive capitalism, which is typical of Russia to a greater extent than of countries with a successful capitalist system (the West, and today – many countries in East and South East Asia as well).

Special attention is paid to the relationship of Russian capitalism with the global capitalist system. The article shows that an essential feature of Russian capitalism is its peripheral nature (dependent, lacking initiative, exploited). The basic mechanism of exploitation in the framework of peripheral capitalism is revealed, and also the methods which the countries of the capitalist center employ in order to impose backwardness. Moreover, the article outlines how Russian economy can find a way out of such a dependent position, primarily through diversification of the economy and creation of industrial production on a new (modern) technological basis. The author also points out that it is necessary to modernize Russian society, which is an important precondition for normal business development.

Keywords: Russian society; capitalism; genesis of capitalism; Komsomol economy; nomenclature privatization; mortgage auctions; peripheral capitalism; new industrialization

REFERENCES

- Akhiezer, A., Kliamkin, I., Iakovenko, I. (2005) *Istoriia Rossii: konets ili novoe nachalo?* Moscow, Novoe izdatel'stvo. 708 p. (In Russ.).
- Bodrunov, S. D., Grinberg, R. S., Sorokin, D. E. (2013) Reindustrializatsiia rossiiskoi ekonomiki: imperativy, potentsial, riski. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii*, no. 1 (35), pp. 19–49. (In Russ.).
- Volkov, V. V. (2010) Problema nadezhnykh garantii prav sobstvennosti i rossiiskii variant vertikal'noi politicheskoi integratsii. *Voprosy ekonomiki*, no. 8, pp. 4–27. (In Russ.).
- Grinberg, R. S. (2015) Ekonomika sovremennoi Rossii: sostoianie, problemy, perspektivy. Obshchie itogi sistemnoi transformatsii. *Vek globalizatsii*, no. 1, pp. 166–182. (In Russ.).
- Dzharasov, R. S. (2013a) Natsional'nyi kapitalizm: razvitie ili nasazhdenie otstalosti? *Al'ternativy*, no. 1, pp. 49–60. (In Russ.).
- Dzharasov, R. S. (2013b) Natsional'nyi kapitalizm: razvitie ili nasazhdenie otstalosti? *Al'ternativy*, no. 2, pp. 58–65. (In Russ.).
- Dzharasov, R. S. (2013s) Natsional'nyi kapitalizm: razvitie ili nasazhdenie otstalosti? *Al'ternativy*, no. 3, pp. 62–98. (In Russ.).
- Dobren'kov, V. I., Ispravnikova, N. R. (2013) Rossiiskaia versiiia «kapitalizma dlia svoikh»: est' li vykhod iz tupika? *Vestnik Moskovskogo universiteta, ser. 18. Sotsiologiya i politologiya*, no. 3, pp. 26–55. (In Russ.).
- Kanarsh, G. Iu. (2016) Sovremennyi rossiiskii kapitalizm: sotsiologicheskii, politiko-ekonomicheskii, antropologicheskii aspekty. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 4, pp. 70–85. (In Russ.).
- Kagarlitskii, B. Iu. (2009) *Periferiinaia imperiia: tsikly russkoi istorii*. Moscow, Algoritm; Eksmo. 576 p. (In Russ.).
- Kryshchanovskaia, O. V. (2002) Biznes-elita i oligarkhi: itogi desiatiletiia. *Mir Rossii*, no. 4, pp. 3–60. (In Russ.).

Lan'kov, A. (2010) *Modernizatsiia v Vostochnoi Azii, 1945–2010* [online] Available at: <http://polit.ru/article/2010/03/11/lankov/> (access date: 12.12.2016). (In Russ.).

Lenchuk, E. B. (2010) Kak uskorit' protsess perevoda rossiiskoi ekonomiki na rel'sy innovatsionnogo razvitiia. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*, iss. 9, pp. 82–92. (In Russ.).

Mukhin, M. Iu. «Pochemu raspalsia SSSR?» — Strana v Tsungvange (Tretii etap Perestroiki, 1989 g.). *Aktual'naia istoriia* [online] Available at: <http://actualhistory.ru/ussr-breakup-6> (access date: 12.12.2016). (In Russ.).

Petrov, A. V., Iarunin, S. V. (2008) Ekonomicheskaia globalizatsiia i neoliberal'naia modernizatsiia v Rossii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, iss. 4, ser. 12. *Psikhologiya, sotsiologiya, pedagogika*, pp. 539–546. (In Russ.).

Fedotova, V. G. (2016) *Modernizatsiia i kul'tura*. Moscow, Progress-Traditsiia. 336 p. (In Russ.).

Khaliliulin, I. N. (2015) Dilemma «tsentr-periferiia» v teoriiakh mezhdunarodnogo razdeleniia truda. *Zhurnal mezhdunarodnykh issledovani razvitiia*, iss. 2 (5), pp. 36–50. (In Russ.).

Khitraia privatizatsiia «Rosnefti»: chto zadumal Sechin? *Regnum*. [online] Available at: <https://regnum.ru/news/economy/2215235.html/> (access date: 12.12.2016). (In Russ.).

Shenin, S. Iu. (2010) Dzheffri Saks i amerikanskaia pomoshch' postsovetsoi Rossii: sluchai «drugoi anatomii». *Izvestiia Saratovskogo universiteta*, vol. 10, ser. Istoriia. Mezhdunarodnye otnosheniia, iss. 1, pp. 99–107. (In Russ.).

Submission date: 15.12.2016.

Канарш Григорий Юрьевич — кандидат политических наук, старший научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН. Адрес: 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1. Тел.: +7 (495) 697-98-93. Эл. адрес: grigkanarsh@yandex.ru

Kanarsh Grigory Yurievich, Candidate of Political Sciences, Senior Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. Postal address: 12 Bldg. 1 Goncharnaya St. 109240 Moscow, Russian Federation. Tel.: + 7 (495) 697-98-93. E-mail: grigkanarsh@yandex.ru